

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГ-ОПЕРА» удивить зрителя уж точно умеет. В «Евгении Онегине», авторской постановке художественного руководителя театра Юрия Александрова (с нее гости начали свои первые ярославские гастроли), заглавный герой появляется на именинах Татьяны в... медвежьей шкуре.

такая сцена дуэли Онегина и Ленского согласно замыслу режиссера разворачивается в присутствии Татьяны и не в заснеженном поле, как обычно, а в пейзаже с белыми колоннами – дома, где и произошла ссора.

Старый как мир театральныи прием, когда зритель воспринимает происходящее на сцене с

мальчика, но мужа, способного за себя постоять.

Чистой сенсацией выглядит Филипповна, ничуть не похожая на шаркающую старую нянюку, с изрядным слоем грима на щеках. У обладательницы звучного меццо-сопрано (хоть сейчас в Мариинку) Елены Еремеевой цветущая молодуха Филипповна почему зря

назначен Татьяна, ее свободному выбору: остаться верной своему чувству к Онегину, но поставить выше этого чувства честь. Не хочет предать мужа, достойного человека, который любит ее...

После «Евгения Онегина», спектакля о «светлом прошлом» России, когда честь так много значила в жизни, а сама жизнь еще не ценилась столь дешево, как в наши дни, питерцы показали и вторую серию пушкинского триптиха Юрия Александрова – постановку о нашем «смутном настоящем», «Бориса Годунова» Мусоргского. Играют трагедию одиночества властителя в окружении ненавидящей его толпы – человека, способного страдать даже при отсутствии собственной вины.

Появилась недавно в афише «Санкт-Петербург-оперы» и заключительная часть Пушкинианы – «Пиковая дама» Чайковского. По замыслу Александрова это спектакль-предостережение с антигероем: сей субъект без чести и совести в угоду слепой страсти игрока сеет смерть вокруг.

«Пиковую даму», впрочем, гости на гастроли не привезли. Возможно, опасаются перебора страстей в репертуаре. Ведь, допустим, и на «Риголетто» (исполняемому на итальянском языке) зрителям вряд ли удастся у них безмятежно отдохнуть от домашних забот, вспомнив любимые мелодии. В музыке тираноборца Верди театр из Санкт-Петербурга услышал актуальный сегодняшний посыл: человеком нельзя играть, как игрушкой.

Решили гастролеры проститься с Ярославлем, беззаботно хохоча. Собрали все самое смешное у творца семидесяти (в основном комических) опер синьора Доницетти и намерены под занавес подарить нам премьеру «Виват, маэстро!». Эта новинка ниспровергателя оперных канонов Юрия Александрова не знакома пока ни питерцам, ни соотечественникам итальянского классика.

Юлиан НАДЕЖДИН.

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ КАНОНОВ

И хотя в музыке «лирических сцен» ничего медвежьего не имеется, медведь есть, как мы знаем, у Пушкина – в страшном сне Татьяны. Там Онегин манит бедняжку в лесную избу, в гости к своему косолапому «куму».

В пушкинской подсказке, возможно, вся соль этого шумевшего спектакля питерцев. С интервалом в столетие они складно сработали: великий композитор вычитал у поэта «интимную, но сильную драму» Татьяны Лариной, в свою очередь режиссер, с полным правом называя спектакль авторским, там же вычитал свой неожиданный во всех отношениях замысел. Дерзнул-таки представить две трети «лирических сцен» как прямую речь Татьяны, как ее ожившее в мелодиях и лицах сновидение, или, как теперь принято выражаться, поток сознания.

Вот откуда мишка косолапый и многое другое, отчего у завязтых знатоков оперы временами по ходу представления по спине бегают мурашки. Ну оттого хотя бы, что знамени-

точки зрения героя, в данном случае на славу послужил искусству Мельпомены. Все в этой череде «крупных планов» души Татьяны (в первом спектакле партию пела Ольга Ковалева) полно непридуманной жизни. На Троицу гости Лариных обмахиваются березовыми ветками – жарко, комары да мухи. На Татьянины именины молодежь во дворе азартно играет в снежки.

Непоседа Ольга (меццо-сопрано Зоя Церерина), весело баяя в нижней октаве, как мальчишка, щеголяет в мундире какой-то придуманной ею самой «Гусарской баллады». Все вокруг аж вздрагивают от ее шуточек. Палит из игрушечного пистолета в любимого Ленского, и тот, послушно подыгрывая невесте, раскинув руки, «замертво» падает грудью на стол.

У этого лицедея в исполнении Александра Тихончука не увидим мы черных кудрей. У него очки на носу и вид вечного студента, скорее чеховских времен. Он верит в рай на земле и заводится с пол-оборота, если, как ему мнится, что-то грозит этому придуманному совершенству жизни. Правда, крепкий тенор Тихончука явно рисует нам облик не

приплясывает рука об руку с хозяйкой усадьбы канкан. Поведая залу о своей несладкой судьбине, подростком-бесприданницей выданной замуж за нелюбимого, всем видом своим, а главное – светом в голосе эта замечательно ушлая нянюка легко убеждает всех нас – дескать, еще не все, граждане, потеряно в жизни.

Такой же знакомый незнакомец и сам Онегин. Он вовсе не похож на банального оперного расфранченного сердцееда. Онегинская ироническая риторика вывечена красивыми тембрами легкого баритона молодого певца Дмитрия Танеева. Его непривычно компанейский герой не скрывает благожелательного интереса к происходящему в радушном доме Лариных – вместе со всеми, как мы видели, с удовольствием рждается на Святики.

В его отповеди Татьяне – «учитесь властвовать собою» – есть пушкинское «души прямое благородство». Его собственный «жалкий жребий» неприкаянности и одиночества в концовке спектакля, пожалуй, не тянет на высокую драму. Но театр к этому и не стремится. Такой удел всецело пред-